

„Socialistisches Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
et Yougoslavie.
Preis in Deutschland und sonstigen Landern.. 70 Pf. (4 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 20 (376)

16-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca, (Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

28 Октября 1936 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

Всесоюзному Съезду Советов (открытое письмо Заграничной Делегации РСДРП).

Первый шаг.

Ф. Дан. Кризис международной политики.

Привет Ф. Адлеру.

Заграничий: Победа норвежского социализма. — Бельгийская Рабочая Партия о Московском процессе.

Фельетон: Ф. Адлер. Московский «процесс ведьм»: Попытка договориться с Георгием Димитровым (Окончание).

По России: Разрыв настроений. — Инертность масс. — Нервная тревога в верхах. — Интриги, доносы, подсиживание. — Слухи вокруг Сталина. — Борьба за возможное наследство. — Аресты и чистки. — Разгром среди ученых и писателей. — Ожидают больших перемен.

Из партии: Постановление Заграничной Делегации РСДРП. Издания, поступившие в редакцию. — Почтовый ящик.

Всесоюзному Съезду Советов

Открытое Письмо Заграничной Делегации РСДРП.

Товарищи и граждане!

29 ноября вы собираетесь, чтобы обсудить проект новой конституции Советского Союза, провозглашающей коренную демократизацию советского режима.

Российская Социалдемократическая Рабочая Партия вправе отметить этот день, как знаменательную дату в развитии российской революции и как оправдание той политической линии, которую наша партия написала на своем знамени и во имя которой она несла и несет столько жертв.

Связанная с большевизмом не только общностью происхождения и долгими годами совместной работы над созданием классовых организаций пролетариата, но и единством социалистической цели, российская социалдемократия разошлась с ним в методах революционной борьбы и в принципах организации пролетариата. Она хотела идти и вести рабочий класс по другому пути, который, по ее глубокому убеждению, лучше обеспечивал интересы трудящихся масс, лучше предохранял их от излишних страданий и жертв, лучше обеспечивал прочность их революционных завоеваний и в то же время успешнее содействовал победе пролетарского социализма во всем мире — этому необходимому условию устойчивости социалистического преобразования нашей отсталой страны и единственно действительной гарантии ее внешней безопасности.

Поэтому российская социалдемократия не приняла участия в октябрьском перевороте 1917 года. Но в то же время она приняла создавшееся в результате этого переворота положение, как историческую неизбежность, обусловленную не только обстановкой военной и после-военной разрухи, в которой вспыхнула и развивалась российская революция, но и настроениями широчайших рабоче-крестьянских масс.

Для российской социалдемократии, партии рабочего класса, разумеется, не могло быть и речи об участии в насильственном подавлении революционного движения трудящихся масс, хотя бы и пошедших не по тому пути, который наша партия считала более соответствующим интересам этих масс. Того менее был возможен для нее какой-либо союз или соглашение с классами, враждебными этим массам и низвергнутыми ими в ходе революционного процесса. Поэтому российская социалдемократия решительно отвергла политику насильственного низвержения советского режима, которое открыло бы дорогу помещичье-капиталистической контр-революции. Не на крушение советского режима, а на положительное развитие заложенных в нем революционных и социалистических возможностей ориентировалась и ориентируется вся политика нашей партии.

Поэтому квалифицированные силы нашей партии предоставили себя в распоряжение советской власти для хозяйственной и организационной работы. Поэтому наша партия не только решительно выступала против

контр-революции, но и символизировала свою готовность всеми силами защищать советскую страну тем, что в момент наивысшей опасности, когда белые армии приближались к Москве, мобилизовала своих членов на службу в рядах Красной Армии. Поэтому она неустанно боролась против всех планов военной империалистической интервенции, против всех видов экономической блокады советской страны и за дипломатическое признание советского правительства.

Но в то же время наша партия никогда не скрывала и не скрывает, что возникшую в ходе гражданской войны, но пережившую ее окончание и все более окостеневшую террористическую диктатуру, опирающуюся на бюрократический и полицейский аппарат и монополизировавшую те права, которые числятся на бумаге за трудящимися массами, — она считает величайшей угрозой для всех судеб революции и для прочности тех завоеваний, которые сделаны этими массами в ее ходе. Защищая всеми доступными ей средствами советскую революцию от внутренней контр-революции и внешних врагов, наша партия не переставала на всех этапах революционного процесса выдвигать лозунг коренной демократизации советского режима, лозунг подлинно-свободного, государственного и местного, политического, профессионального и хозяйственного самоуправления трудящихся масс, как основного, неременного условия охранения интересов этих масс, защиты революции и осуществления доступного ей продвижения к социализму.

С 1922 года наша партия была окончательно лишена всякой возможности легального существования и открытой работы, а затем ряд видных деятелей ее был даже объявлен лишенным советского гражданства. Тысячи воспитанных российской социалдемократией рабочих — социалистов, которыми гордилось бы пролетарское движение любой страны, были насильственно от-

странены от участия в Советах, родоначальниками которых они были в 1905 году, и от руководства созданными ими классовыми пролетарскими организациями, осуждены на политическую бездеятельность. Для сотен наших лучших товарищей последние 15 лет были не прекращающимся и поныне непрерывным странствованием по концлагерям, тюрьмам, политизоляторам и местам ссылки. И лишь один раз эта бессудная расправа, столь многих сведшая преждевременно в могилу, была прервана в 1931 году печальной памяти якобы-«меньшевистским» процессом, безуспешно попытавшимся забрызгать грязью «вредительства» и служения внутренней контр-революции и империалистической интервенции партию, которая и под гнетом жесточайших преследований не переставала, во имя идей свободы и социализма, защищать Советский Союз от его внутренних и внешних врагов и пыталась содействовать его хозяйственному преуспеянию!

Но никакие преследования не могли сбить российской социалдемократии с пути, указанного ей Мартовым, ее почившим вождем. И с удовлетворением может она отметить исторический момент, когда основной лозунг ее — лозунг демократизации советского режима — становится лозунгом всей советской общественности; когда провозглашается свобода слова, печати, совести, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций, равноправие граждан независимо от пола, национальности, расы и происхождения их, всеобщее, равное, прямое и тайное голосование и пр.; когда возросшая хозяйственная мощь страны дает ей возможность внести в конституцию и права на труд, как обетование и залог развития к социализму!

Но, приветствуя провозглашение принципа демократизации советского режима, наша партия, прежде всего, с величайшей тревогой констатирует кричащее противоречие между этим провозглашением и

Московский „процесс ведьм“ *)

Попытка договориться с Георгием Димитровым.

(Окончание)

Вышинский нашел в Западной Европе адвоката, знаменитого адвоката. Вся большевистская пресса облегченно вздохнула, получив возможность сослаться, в ответ на бурю возмущения и отчаяния, вызванную последним Московским процессом, на такой авторитет, как Д. Н. Притт. Одна из звезд лондонской адвокатуры, Притт, имеющий титул «королевского советника» и прошедший на последних выборах в парламент по списку Рабочей Партии, стал широко известен и за пределами Великобритании, как председатель того «контр-процесса», который был проведен в Париже и Лондоне для разоблачения всей лжи, нагроможденной национал-социалистами на процессе о поджоге рейхстага. Притт оказал тогда Димитрову, Торглеру и двум другим подсудимым-коммунистам неоценимую услугу и по праву заслужил благодарность всех анти-фашистов. Его высказывания заслуживают внимания не только потому, что он крупный адвокат, но и в силу его политической позиции.

Во время процесса Притт был в Москве — случайно или преднамеренно, этого мы не знаем, — и еще из Крыма, куда он отправился после процесса, послал в либеральную «Ньюс Кроникль» телеграмму (27 августа), а затем (3 сентября) поместил в той же гезате подробную статью и одновременно дал интервью ком-

мунистической «Дэйли Уоркэр». Он написал кроме того предисловие к брошюре о Московском процессе, изданной «Англо-Русским Парламентским Комитетом», которым руководит — в духе, желательном советскому правительству, — В. П. Котс. В этой брошюре перепечатана и статья из «Ньюс Кроникль», заканчивающаяся следующими словами:

«Успешным расследованием этого дела административные власти Советского Союза сделали большой шаг в смысле искоренения контр-революционных происков.

Но ясно также, что суд и прокуратура Советского Союза сделали по меньшей мере столь-же большой шаг в смысле улучшения своей репутации в ряду других юриспруденций современного мира».

Позиция Притта подверглась в Англии резкой критике, и он предпринял новую серию публичных выступлений, пытаясь защищаться против своих критиков. Он написал два письма в «Манчестер Гардиан» (21 сентября и 9 октября) и опубликовал, как особо важный материал, брошюру в 39 страниц под заглавием «Суд над Зиновьевым» (в издании Виктора Голланца), а также выступил с докладом в Лондонском собрании, которое организовало «Общество Друзей Советского Союза» и отчет о котором помещен в «Манчестер Гардиан», в номере от 1-го октября.

Резкое противоречие между взглядами Притта и нашей точкой зрения, понятно, побудило нас с особой тщательностью отнестись к его аргументам.

Притт ссылается на свой авторитет, как специалиста по уголовному праву, на свои работы по сравнительному изучению уголовного процесса во многих странах.

*) Перевод с рукописи.

действительным развитием текущей политической и общественной жизни Советского Союза.

Накануне введения конституции, обещающей гражданам широчайшее государственное и местное самоуправление, власть на деле становится все более единоличной; всякое указание, всякая мысль, преподанные сверху, немедленно становятся обязательным законом; нерассуждающее повиновение вождю и преклонение перед ним делается основной добродетелью граждан и, наоборот, всякое инакомыслие, всякое свободное и мужественное слово критики трактуется, как тяжчайшее преступление; диктатура партии, заменившая диктатуру трудящихся классов, сама сменяется диктатурой одного лица над партией, всеми ее учреждениями и даже самим ЦК.

Провозглашаются права и свобода личности, а между тем практика террора не только не смягчается, но еще усиливается: сотни и тысячи граждан снимаются с мест, арестовываются, ссылаются, подвергаются жесточайшим административным карам за свои убеждения, за свою действительную или мнимую, нынешнюю или прошлую оппозицию правительственному курсу; ссыльные социалисты и оппозиционные коммунисты перебрасываются из одних мест ссылки в другие, худшие, или в концлагеря. А недавний процесс, закончившийся расстрелом 16 подсудимых, в том числе виднейших старых вождей большевизма, создавая атмосферу страха и запуганности в стране и в самой компартии, в то же время проводит снова трагическую борозду между Советским Союзом и широчайшими пролетарскими массами всего мира, вселяя в них сомнения насчет искренности и серьезности возведенной и так радостно воспринятой ими демократизации, вбивая клин в их возрождающееся единство и ослабляя их готовность и волю к защите Советского Союза от всех его врагов.

Наша партия считает своим революционным и социалистическим долгом не замалчивать, а, наоборот,

настоятельно подчеркивать ту грозную опасность, которая возникает из всех этих противоречий для внутреннего развития Советского Союза и для его внешней безопасности.

И точно так же считает она своим революционным и социалистическим долгом с полной определенностью и отчетливостью высказать свое критическое отношение к представленному вам конституционному проекту.

Мы не будем останавливаться здесь на его отдельных недостатках, из которых самым важным считаем отсутствие указания на право стачек — право, надобность в котором всесторонне развитое социалистическое общество упразднит, но уничтожение которого еще в ходе борьбы за такое общество грозит сделать трудящихся безоружными перед произволом и злоупотреблениями бюрократии. Мы ограничимся указанием на основной порок проекта.

Этот основной порок заключается в том, что, надевая всяческими правами индивидуумов, проект отказывает им в основном праве, без которого все остальные теряют свою ценность, — в праве на свободу коллективных группировок и на свободу идейно-организационного саморегулирования тех группировок, которые допускаются проектом.

Правда, проект провозглашает принцип «организационной самостоятельности и политической активности» народных масс и право граждан СССР на «объединение в общественные организации». Но во что могут на деле превратиться этот принцип и это право, если тот же проект заранее устанавливает, что — не в порядке свободного выбора и свободного идейно-политического самоопределения, а в принудительном порядке основного закона! — «руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так

особенно же на свою, изданную в 1933 году, работу о Советской России. Я готов поверить ему, что в процессуальной и криминалистической областях сделан в Советской России огромный прогресс и даже создано кое-что, в некоторых отношениях образцовое. Но в какой большой степени это ни было бы верно для уголовных дел, — этим отнюдь еще ничего не доказывает для дел политического характера.

Первая серия публикаций Притта вызвала величайшее изумление тем, что все выводы он делал исключительно на основании того, что доступно зрителю, присутствующему на суде, и ни намеком не обмолвился о том, что кое-какие вопросы могут возникнуть и в связи с тем, что делается за кулисами — на предварительном следствии. И лишь после, когда ему пришлось обороняться от критиков, он коснулся в своей последней брошюре и этих, в данном случае наиболее существенных, вопросов. Приходится поэтому отдельно рассмотреть эти две фазы предпринятой Приттом защиты того, что сделано Московю.

В первой фазе Притт не устает повторять, как «вежливо» обходятся председатель суда и прокурор с подсудимыми, как их не прерывают, даже когда они говорят очень долго; единственное, что несколько «коробило англичанина», — это аплодисменты публики после речи прокурора Вышинского, которые никто и не пытался прекратить. Но «при отсутствии присяжных заседателей и это большого вреда принести не может».

Тактика Притта в его первых публикациях сводилась к тому, чтобы изображать Московский процесс так, как будто он велся перед обычным английским судом. Дело в том, что в Англии центр тяжести процесса действительно в публич-

ном заседании суда, на котором раскрываются все обстоятельства дела. Порядок судопроизводства на континенте уже существенно отличается от английского, а инквизиционное судопроизводство являет собою прямую противоположность судопроизводству английскому. Тут центр тяжести лежит в предварительном следствии, гласному суду предъявляются лишь его результаты, готовые признания.

Притт, изучавший различные правовые системы, конечно, все это очень хорошо знает, и потому было в высшей степени странно, что процесс, ведшийся в порядке инквизиционного судопроизводства, он описывает и оценивает так, как будто признания были сделаны перед английскими судьями*). Так он заявил, что по его наблюдениям, «процесс велся нормально» — точно так же, как Притт 17-го века, с'ездивший в Рим и присутствовавший на инквизиционном суде в доминиканском монастыре Санта Мария е Сопра Минерва, мог бы засвидетельствовать, что Галилей публично отрекся от своих заблуждений тоже в порядке вполне «нормального процесса».

Притт исходит из положения, что, раз обвиняемые

*) В книге «Московский процесс» (Лондон, Виктор Голланди, 1933 г.), посвященной тому процессу, в котором перед московским судом фигурировали, в качестве «вредителей» и английские подсудимые, А. Дж. Кэмингс формулирует различие между двумя системами в следующих словах: «Метод связного рассказа действителен и производит впечатление, потому что подсудимые имеют возможность сами изложить дело в его существенных чертах. Мы можем поэтому узнать почти все существенное, что подсудимые говорили следователям по поводу предъявленных им обвинений. Но чего нам не дают возможности узнать, так это того, что говорили следователи подсудимым». (С. 76-77).

и государственных», должно находиться в руках коммунистической партии? Если в том же обязательном порядке монополия на политическое представительство трудящихся заранее вручается этой партии, которая, как известно, сама строится на строго авторитарных началах, исключая всякую борьбу и группировку мнений в ее рядах? Не грозит ли это превращением самой конституции в простое прикрытие для сохранения единоличной диктатуры и того режима бюрократического всевластия, который провозглашается отжившим и вредным для интересов страны, революции, трудящихся? Распоряжаясь всеми перечисленными в 125 статье материальными условиями, необходимыми для действительного пользования свободами, предоставляемыми гражданам этой же и другими статьями, не сможет ли всемогущая бюрократия сами эти свободы превратить в иллюзию?

Вот вопросы, над которыми не может не остановиться Съезд Советов и на которые обращает внимание трудящихся российская социалдемократия.

Таким образом в самом основном пункте принципы коренной демократизации советского режима не получили осуществления в предложенном вам проекте. Но, каковы бы ни были пороки новой конституции, само провозглашение этих принципов даст политической мысли и организационной работе трудящихся масс новое и плодотворное направление. Они найдут в этой конституции опорные точки для того, чтобы, без новых катастроф и потрясений, последовательно развить и завершить дело демократизации советского режима, добиться не иллюзорного, а реального права на организационную самостоятельность и политическую активность, подлинного организационного и политического раскрепощения своих объединений и коллективов от всякой принудительно навязываемой сверху, бюрократической опеки. Но для это-

признают себя виновными, то суд не имеет уже надобности искать дальнейших доказательств в документах или свидетельских показаниях: сознания достаточно для вынесения приговора. Несомненно, что многие юристы, хотя далеко не все*), согласятся с тем, что это верно для нормальных случаев. Но это положение превращается в нелепость, когда существует подозрение, что мы имеем дело с лживыми самоговорами. Такие лживые самоговоры неоднократно наблюдались и при совершенно безупречном судопроизводстве, когда они вызывались либо психической ненормальностью подсудимого, либо его готовностью принести себя в жертву, чтобы прикрыть действительно виновного. Это бывает в виде исключения. Но в виде массового явления лживые самоговоры были постоянным спутником инквизиционных судов.

Возражения, сделанные Притту, заставили его высказаться по существу и этого вопроса. В своей последней брошюре он останавливается подробно на предположениях, которые могли бы сделать вероятным, что «признания были вымучены насилиями, угрозами или обещаниями». Он приводит многочисленные примеры такого рода уголовного судопроизводства в других странах и спрашивает: «но есть ли хоть намек на доказательство, что нечто подобное имело место и в данном случае?» И отвечает: «по ряду причин мне кажется очевидным, что ничего, похожего на вынужденные призна-

*) В интересном этюде о юридической стороне Московского процесса, напечатанном Эгоном Швальб в «Кампф» (чехословацкое издание, № 10), убедительно доказывается, что многие крупные правоведа держатся по этому вопросу совершенно иных взглядов, чем Притт.

го трудящимся массам нужна активность, настойчивость и последовательность в использовании предоставляемых им новой конституцией прав и возможностей.

Наша партия убеждена, что все условия советского общества в нынешней фазе его развития будут стимулировать энергию трудящихся и, в первую голову, передовых отрядов рабочего класса в направлении такого использования.

В этой фазе материальное, культурное, социальное и политическое неравенство не только продолжит существовать, но еще усиливается. Только подлинная организационная и политическая самостоятельность трудящихся может предотвратить увековечение положения, при котором возрастающему благосостоянию сравнительно узкого слоя противостоит неизменная нищета широких масс. Только такая самостоятельность может предотвратить опасность превращения этого слоя в окостеневшее привилегированное сословие, возвышающееся над массами, им чуждое или даже враждебное. Только она сможет помешать этому привилегированному слою монополизировать в свою пользу плоды хозяйственного роста страны, ликвидировать заложенные в этом росте возможности социального развития и тем самым поставить под угрозу и то «право на труд», провозглашением которого может гордиться проект конституции. Только она может поэтому предотвратить всякую возможность фашистского вырождения революции и опасность капиталистической реставрации и обеспечить неуклонное продвижение страны к социализму.

В то же время только подлинная организационная самостоятельность и политическая активность трудящихся масс, делающая их действительными хозяевами страны, может гарантировать безоговорочную готовность всех рабочих, всего крестьянства, всех трудящихся

в отдельности, тут быть не могло». Разбирая затем эти причины в отдельности, Притт с большою адвокатскою ловкостью доказывает, что вероятность говорит против наличия таких признаний.

Об этих доказательствах Притта можно было бы многое сказать. Но мы можем избавить себя от обширной дискуссии на эту тему. Дело в том, что имеется один пункт, в котором нет надобности взвешивать вероятности, а можно оперировать с уверенностью. Это — тот факт, что имеются случаи, когда лживость признания может быть доказана. И поразительно, что Притт, подробно останавливающийся на всевозможных, более или менее отдаленных косвенных уликах, совершенно не включает в круг своих рассуждений возможность наличия и таких признаний, объективная лживость которых может быть доказана. А между тем ясно, что, если может быть доказана лживость хотя бы одного признания, то рассыпается в прах все построенное Приттом искусственное здание вероятностей. Но, как мы уже говорили, в меньшевистском процессе 1931 года имелись заведомо лживые показания о поездке Абрамовича в Москву, а в последнем процессе столько же заведомо лживые показания о происшедшем в копенгагенском отеле «Бристоль». Этих фактов Притт вообще не упоминает, но за то он пишет предисловие к изданию отчета о процессе, лишаяшему английскую публику вообще возможности хотя бы узнать о показаниях, лживость которого может быть неопровержимо доказана: в этом издании из показаний Гольцмана эпизод с отелем «Бристоль» попросту выпущен!

Кто хочет убедиться в добросовестности отчета о процессе, издание которого прикрывается авторитетом Притта, пусть сравнит страницу 49-ую этого издания со

ся встать на защиту этой страны в минуту внешней опасности. Только она может мощно двинуть вперед дело восстановления единства классового рабочего движения во всем мире, десятикратно его силы в борьбе против мирового фашизма и, обеспечивая победу мирового социализма над этим злейшим врагом трудящихся и советской страны, обеспечить тем самым завершение и прочность социалистического переустройства Советского Союза.

Только политика, основанная на такой самостоятельности и активности трудящихся масс может объединить трудящихся всех стран в страстном стремлении охранить мир, предотвратить грозящие Советскому Союзу военные опасности, сделать все для его обороны и обеспечения его победы, если фашистские и империалистические хищники все же обрушатся на него войной, и самую войну превратить не в источник нового разгула национализма и шовинизма, а в орудие низвержения мирового капитализма, в пролог новой эпохи — эпохи социализма и вечного мира.

Поэтому — во имя интересов трудящихся масс, во имя предотвращения опасности политической и экономической контр-революции, во имя мира и обороны Советского Союза, во имя единства классового рабочего движения, во имя торжества социализма во всем мире и в советской стране — РСДРП основную задачу свою в наступающий новый период революции видит во всестороннем содействии развитию и упрочению свободной организационной самостоятельности и политической активности трудящихся масс.

На службу этим массам Российская Социалдемократия поставит все силы своих организационных ячеек, весь политический и организационный опыт тысяч пролетариев, рассеянных по всему Советскому Союзу, по его фабрикам и заводам, рудникам

и копям, колхозам и совхозам, но и в вынужденном многолетнем распылении своем сохраняющих непоколебимую верность социалдемократическому знамени. И на службу тому же делу борьбы трудящихся за подлинную политическую и организационную свободу будет она звать и те, все умножающиеся, кадры молодежи, которые ничего не знают о нашей партии или знают лишь злобные карикатуры на нее, но которым самый опыт советской действительности внушает идеи социалдемократии.

И наша партия твердо знает, что, завоевывая свободу организационной самостоятельности для себя, трудящиеся массы будут тем самым завоевывать ее и для нашей партии, которая была, есть и будет социалистической партией рабочего класса, плотью от плоти и костью от кости трудящихся масс. Эти массы вернут российской социалдемократии и ту «легализацию», в которой отказывает ей и новый проект конституции.

Но, товарищи и граждане, вы могли бы сделать бесконечно много, чтобы облегчить трудящимся массам выполнение тех исторических задач, которые ставит перед ними все внутреннее и международное положение.

Вы представляете десятки миллионов трудящихся Советского Союза. От вас зависит дать им ту подлинную свободу самостоятельности и организации, которой настоятельно требуют их интересы, интересы революции и социализма.

От вас зависит облегчить, ускорить и сделать совершенно безболезненным переход Советского Союза к режиму полной, развернутой демократии трудящихся, который сплотит в дружной, демократически дисциплинированной работе все прелетарско-социалистические силы нашей революционной страны, сделает ее несокрушимым оплотом международного рабочего единства, мобилизует на ее оборо-

странницей 100 отчета, изданного на английском языке Народным Комиссариатом Юстиции СССР. Мы твердо убеждены, что Притт не сам вычеркнул этот эпизод и с полной добросовестностью взял на себя ответственность за сокращения, произведенные редактором этого издания. Но указанное нами сокращение столь знаменательно, что, к сожалению, мы вынуждены предположить, что редактор-то издания был осведомлен об истории с отелем «Бристоль», ставшей тем временем широко известной из копенгагенского «Социалдемократа».

Притт выступает в качестве настоящего защитника Вышинского, о котором он говорит, что тот «выглядит, как очень интеллигентный и скорее добродушный английский деловой человек». Но нам достаточно поставить вопрос, что было бы, если бы Притт был защитником подсудимых, если бы он мог с ними говорить с глазу на глаз, если бы он мог заглянуть в акты предварительного следствия? Ограничили-ли бы он и тогда констатацией, что «в определении точных размеров вины Смирнова и Гольцмана было много интересного и важного»? Или его проникательности удалось бы все же, еще до вынесения приговора, открыть подлинную доказательную ценность признаний Гольцмана насчет его свиданий в копенгагенском отеле «Бристоль»? Но Притт не был защитником подсудимых...

Притт заканчивает свою последнюю брошюру указанием на контр-процесс 1933 года, на котором, «вместо того, чтобы критиковать обвинение и ведение процесса на основании недостаточной информации, было потрачено в Лондоне несколько дней на то, чтобы с помощью достоверных свидетелей проверить факты и сделать критику обоснованной». Сторонники Троцкого в Западной

Европе сделали все, чтобы, по указанному Приттом образцу, добиться «контр-процесса» ради доказательства невинности Л. Троцкого и его сторонников. Мы настолько убеждены в лживости признаний, легших в основу обвинения, что считали бы излишней ту огромную затрату денег и времени, какой потребовал бы контр-процесс. Но, поскольку Притт ссылается на контр-процесс 1933 года, как на образец, мы чувствуем себя обязанными поставить ему вопрос: готовы ли он принять участие в расследовании весьма легко поддающейся проверке и для оценки достоверности признаний решающей группы фактов, а именно — в допросе Льва Седова, сына Троцкого, который живет в Париже и которого обвинительный акт и «сознания», поистине смехотворным образом, превратили в одного из главных действующих лиц по части якобы существовавших планов террора? С нас достаточно полной уверенности, что Седов никогда не мог быть в отеле «Бристоль», чтобы составить себе суждение о ценности «признаний» подсудимых. Но, если бы Притт хотел сослаться на то, что в этой детали мы имеем дело с простой путаницей в названии отеля (хотя именно это показание Гольцмана сделано с величайшей определенностью и точностью), то при допросе Седова Притт мог бы убедиться, что это важное доказательство и в другом отношении беспочвенно, — в отношении пребывания Седова в Копенгагене, и что таким образом вся группа обвинений, опирающаяся на деятельность Гольцмана, построена на лживом признании.

Когда имеется подозрение в наличии лживого самоговора, и в самом лучшем суде необходим адвокат, хотя бы для того, чтобы защищать подсудимого от чего самого. Насколько-же более необходим адвокат, ко-

ну весь мировой пролетариат, обеспечить их совместную победу над одинаково угрожающим им мировым фашизмом и на развалинах этого последнего прикрытия капитализма упрочит торжество социализма в Советском Союзе и во всем мире.

От вас зависит, наконец, на самом пороге введения конституции приступить к ликвидации указанных выше и подрывающих ее противоречий, широко распахнуть двери тюрем и политизоляторов, снести барьеры ссылок и проволочные заграждения концлагерей и создать этим ту атмосферу доверия и подема, которая даст трудящимся Советского Союза и всего мира радостное ощущение, что действительно открывается новая и слаavnая глава революции, что укрепленная ее победою страна отныне действительно выходит из режима террора и вступает на путь, ведущий через демократическую свободу к торжеству социализма.

К вашему съезду прикованы надежды всего трудящегося человечества, и российская социалдемократия ничего так не желает, как чтобы он эти надежды оправдал. Ибо наша партия не имеет никаких интересов, отличных от интересов трудящихся, революции и социализма, и не хочет для себя ничего, кроме возможности свободно и открыто, в рамках и на почве новой конституции, участвовать в борьбе за социализм, делающий обществlенне средств производства основой подлинного освобождения личности и действительно свободного самоопределения трудящихся масс.

Да здравствует свободная самодеятельность и организация трудящихся!

Да здравствует социализм!

Заграничная Делегация Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

8 окт. 1936 г.

гда имеется подозрение, что применяются методы инквизиционной юстиции!

16 подсудимых уже нет в живых. Как были добыты от них «признания», остается под покровом тайны. Мы же хотим говорить здесь о фактах, поддающихся проверке, а не о гипотезах. Мы не будем поэтому гадать о том, что именно могло происходить во время предварительного следствия; с нас достаточно констатировать, что во время предварительного следствия должны были иметь место факты, настоятельно требующие освещения, что, как и во всех прежних процессах такого рода, было организовано своеобразное «сообщество сознающихся», уродливое в целом, а в частности поковышшее на лживых самоговорах. И именно потому, что ход предварительного следствия остается тайным и только адвокаты подсудимых могли бы потребовать предъявления им актов предварительного следствия, так обоснованно было требование допуска адвокатов, действительно независимых от советского правительства. Из Крыма Притт телеграфировал в «Ньюс Кроникль», что он «поражен» нашей телеграммой, выставившей это требование, и еще в своей последней брошюре он посвящает целые страницы полемике с этой телеграммой.

Притт повторяет припев московских официозов: «подсудимые добровольно отказались от адвокатов, они могли бы иметь адвокатов безвозмездно, если бы того пожелали, но они предпочли отказаться от них». Притт остерегается поставить серьезно вопрос, почему же все эти подсудимые «добровольно отказались» от адвокатов. Его объяснение как нельзя более просто: они хотели принести повинную и были сами хорошими ораторами. И он добавляет, что их интересы от этого ничуть не пострадали, хотя не упу-

Первый шаг

В постоянной борьбе противоречивых начал, в постоянном накоплении полярных крайностей совершается развитие русской революции. За 19 лет своего существования она успела установить внешний порядок в стране, обеспечить ее военную безопасность и оборону, и, при всех ею же самою вызванных колоссальных разрушениях, восстановить и значительно расширить промышленность страны и разработку ее естественных богатств, преобразовать и технически переоборудовать ее сельское хозяйство. Но она достигла всех этих успехов ценою неслыханных жертв людьми и жизнями, ценою понижения уровня жизни масс на неслыханно низкую ступень. Она разрушила в стране систему капитализма и капиталистические классы, уничтожила эксплуатацию наемных рабочих частным капиталом, ввела плановое государственное хозяйство, — основную предпосылку построения социализма, — но она в то же время ввела в стране всеподавляющее господство бюрократического аппарата, беспощадную эксплуатацию рабочей силы государством, кричащее социальное неравенство в пределах самих некапиталистических классов. Она уничтожила безработицу, она дала возможность подняться вверх народным низам, она в необычайной степени расширила возможности культурного и национального развития многочисленных народов, населяющих Россию, уничтожила классовые и расовые привилегии, неравноправие полов, дала всем угнетенным-пасынкам самодержавно-капиталистического строя сознание своего равно- и полно-правия, но она заставила массы, в том числе пролетариат, от имени которого действовала, заплатить за все эти достижения полной потерей политической и духовной свободы, полным порабощением революционно-партийной диктатуре, правящей

скает случая сопроводить это добавление поклоном перед «талантами некоторых моих московских коллег».

Так низко падает Притт в своей аргументации! Он представляется, будто ему невдомек, что в политическом процессе такого значения его «московские коллеги» совершенно бесполезны, потому что, если бы они вздумали серьезно взяться за защиту подсудимых, им грозила бы месть тех, кто держит власть в своих руках. На самом деле Притт знает лучше, чем кто-либо другой, сколько усилий употребляли друзья Димитрова и его коммунистических сообвиняемых по процессу о поджоге рейхстага, чтобы добиться допущения заграничных адвокатов и особенно допущения Притта. Ведь, он сам принимал выдающееся участие в этих хлопотах!

К сожалению, Притт не был допущен к участию в лейпцигском процессе о поджоге рейхстага в качестве защитника, и пришлось прибегнуть к обходным средствам в виде контр-процесса. Мы убеждены, что, если бы Притт мог освободиться от роли защитника Вышинского, он уже сейчас, на основании того, что известно о лживых признаниях в Московском процессе, должен был бы высказать об этом процессе то же мнение*), как-то он высказал в заключение лондонского контр-про-

*) Парижское «Международное Обединение Юристов», руководимое коммунистами, но выступающее обычно в обличии «надпартийной» организации, сочло уместным констатировать, в связи с Московским процессом, что политическая юстиция в Советском Союзе имеет «подлинно народный» характер, и — на основании первой телеграммы Притта в «Дэйли Ньюс», т. е. без учета позднейших публикаций Притта — заявило, что Международное Обединение Юристов «разделяет заключение своего выдающегося сочлена, королевского советника Притта» (Бюллетень Обединения от 15

методами террора и насилия, держащей народ в подчинении при помощи тайной полиции, смертных казней, концлагерей и ссылок.

Элементы социализма, нового коллективного хозяйства, заря новой человечности, и одновременно с этим небывалое в истории подавление человеческой личности, политический деспотизм, нарощение нового неравенства. Гигантские достижения наряду с не менее гигантскими опасностями и отрицательными моментами. Победоносная социальная революция и быстрыми шагами надвигающееся цезаристско-фашистское вырождение ее. Ормузд и Ариман.

Никогда еще эта двойственность и противоречивость в развитии большевистской фазы русской революции не выступали с такой выпуклостью и злобшей ясностью перед лицом всего мира, как в данный момент. Хозяйственный подъем и улучшение уровня жизни, наступившие, наконец, после годов лишений, голода и страданий, стали как-будто кристаллизоваться и в некоторой политической эволюции режима. Появился проект новой, демократической по своим принципам, конституции, которая должна была «увенчать здание» созданных режимом экономических предпосылок, и на место прежней, переходной диктатуры периода разрушения и завоевания постепенно поставить режим демократии, политической свободы и самостоятельности масс. Исторические весы стали как будто склоняться на сторону Ормузда.

Но не успело еще общественное мнение мирового социализма осмыслить значение новой конституции и разобраться во всех созданных ею противоречиях, как разразилась новая полоса самого свирепого, самого бессмысленного кровавого террора: были арестованы тысячи «оппозиционеров» и «троцкистов», был топорно инсценирован «процесс 16», закончившийся 16 расстрелами.

Надежды на мирную демократическую эволюцию

процесса о лейпцигском процессе о поджоге рейхстага:

«Процесс стоял в резком противоречии с самыми элементарными понятиями человечности и правосудия» (коммунистическое «Рундшау», 1933 г., стр. 1869).

**
*

В середине декабря 1934 года мы писали в «Сообщениях о положении политических заключенных» (№ 25):

«1 декабря в Ленинграде пал жертвою покушения секретарь ЦК большевистской партии, Сергей Киров. Все понимают, какое возмущение и возбуждение должно было охватить его друзей и партийных товарищей, считавших его одной из самых ценных сил Советского Союза, и никто не удивился бы, если бы большевистская диктатура обрушилась на виновного или виновных в покушении всю строгость законов. Поднимающий меч должен считаться с возможностью и погибнуть от меча. Но то, что произошло в Советском Союзе после покушения, есть нечто совершенно иное. Через 12 дней после покушения дело покушавшегося не было еще рассмотрено судом, публике ничего еще не стало известным об его мотивах и даже о том, идет ли речь о покушении по политическим мотивам или об акте личной мести. Следствие по делу убийцы Николаева еще продолжается, но уже 6 декабря в Ленинграде и Москве имели место массовые казни. 37 смертных приговоров было приведено в исполнение в Ленинграде, 29 в Москве, и волна террора перекатывается из города в город.

сент. 1936 г.). Тут мы имеем характерный пример того, как третируют такого рода коммунистические вспомогательные организации своих членов. Известные социалисты, доброе имя которых фигурирует в заголовке Бюллетеня и вызывает у читателей впечатление, что они несут какую-то ответственность за это издание, должны будут серьезно поставить перед собою вопрос о выводах, которые следует сделать из этого случая.

были грубо и безжалостно растоптаны, иллюзии были расстреляны чекистскими пулями. И вновь неразрешимой загадкой стоит перед Россией, стоит перед миром большевистская революция со всеми своими кричащими противоречиями.

Не борьбой абстрактных начал, не мистическим единорством духа зла и духа добра объясняются эти противоречия. Они вытекают из самой динамики революции в гигантской стране с экономически и культурно отсталым населением, они являются последствием определенных социальных процессов, сопровождающих те гигантские общественные сдвиги, в которых революция проявилась. Эпоха ломки и разрушения, эпоха насильственной перестройки экономических отношений привели к созданию гигантского аппарата насилия, который превратился в самодовлеющую величину и продолжает цепляться за свое существование и сохранять инерцию насилия и разрушения даже тогда, когда объективная надобность в этом миновала. Глубинные социальные процессы, вулканическое передвижение пластов вынесли на поверхность русского общества низовые силы, ставшие носителями и аппаратом победоносной революции. Создался миллионный слой людей, которые были «ничем» и стали «всем», благодаря революции; людей, благополучие которых связывается с их прикосновенностью к аппарату диктатуры; эгоистические интересы которых требуют сохранения тех форм господства и управления, которые их вынесли на поверхность. Правящий состав диктаторской компартии и всесильного госаппарата, гражданская и военная бюрократия, красные директоры и руководящие хозяйственники, инженеры и стачковцы в городах, бригадиры, политотделы и прочие «знатные люди» в деревне, — весь этот новый правящий «класс» пореволюционной большевистской России материально, морально и политически поставлен в привилегированное положение по сравнению с широкими

Теперь, полтора года спустя, мы можем до некоторой степени подвести итоги всему, содеянному в виде возмездия за убийство Кирова. Имеются сведения о 4 процессах:

1. Коммунистическое «Рундшау» (№ 63, 1934 г., стр. 2846) сообщает:

«Коллегия Верховного суда рассмотрела 5 декабря 1934 г. дело о 71 белогвардейце, обвинявшихся в подготовке и организации террористических актов против должностных лиц советской власти. Как установил суд, большинство обвиняемых проникло на советскую территорию через Польшу, Латвию и Финляндию. Они имели поручения вполне определенного характера по организации террористических актов. 66 поддельных белогвардейцев были присуждены к расстрелу. Дело 5 обвиняемых направлено по постановлению суда, к доследованию».

Помимо имен обвиняемых, имеющих в тексте приговора, опубликованном «Правдой» 6 декабря, никакие данные ни об обвинении, ни о ходе процесса так и не стали известны. Но смертные приговоры, 37 в Ленинграде и 29 в Москве, были немедленно приведены в исполнение.

2. 28-29 декабря 1934 г. состоялся суд над Николаевым, стрелявшим в Кирова и 11 сообщаемыми. Все 12 подсудимых, принадлежавших будто бы к «Ленинградскому центру», были осуждены на смерть и тотчас же расстреляны. О процессе стали известны лишь выдержка из обвинительного акта на 1½ страницах (Рундшау, 1934, стр. 3101) и приговор (Рундшау, 1935, стр. 69).

3. 15-18 января 1935 г. состоялся первый процесс против Зиновьева и Каменева, причем всего предстало на этот раз перед Военной Коллегией Верховного Суда 19 обвиняемых. Они организовали будто бы

массами трудящихся города и деревни. Количество этих привилегий, социально - политический потенциал каждого члена этого слоя растет по мере приближения к верхушке аппарата, быстро падает по мере его удаления к периферии, превращается в нуль или отрицательную величину в случае исключения из «правлящего сословия». Принадлежность к этому слою не закреплена никакими юридическими нормами. Он еще не превратился в неподвижную касту, он еще необычайно текуч по своему составу. Но тем больше импульсов у каждого в него попавшего крепко цепляться за него и защищать свое собственное благополучие и свою собственную карьеру, отстаивая привилегий всего слоя и диктатуру, которая, наделяя привилегиями «избранных», стремится превратить их в орудие своего увековечения, своего господства над массами.

Инерция диктатуры, своекорыстные интересы ее «аппарата», все более обостряющееся социальное неравенство, создающее особые, групповые интересы, отличные от интересов масс и в известной степени им даже противоречащие, — вот более глубокие корни того противоречия между прогрессивными достижениями революции и теми политическими опасностями, о которых мы выше говорили. Борьба этих двух тенденций характеризует и окрашивает все развитие русской революции за последний период.

Наша партия в течение годов не перестает указывать на те великие опасности, с которыми это развитие связано. Дальнейшее окостенение диктатуры, все большее оформление и упрочение правящего бюрократического слоя, стеной привилегий и психологического отчуждения отделенного от масс, — все фатальнее и неуклоннее ведет к своеобразной бонапартизации строя. Ибо уничтожение частного капитализма с присущими ему общественными классами само по себе не гарантирует еще построения бесклассового социалистического общества. Система государствен-

ного хозяйства, управляемого фактически бесконтрольной бюрократией, при отсутствии самодеятельности политически бесправного населения, при режиме террористической диктатуры, легко может — при соответствующей международной обстановке — выродиться в своего рода государственный капитализм фашистского типа. Устранить эту опасность, предотвратить бонапартистско-фашистскую ликвидацию великой русской революции, обеспечить ее развитие в сторону социализма, может только последовательная демократизация режима, предоставление простора для свободы и самодеятельности масс, превращение диктатуры в демократию трудящихся.

Но имеются ли еще шансы на такое превращение? Какие силы ее добьются? Не predetermined ли уже автоматизмом развития победа той из борющихся тенденций, которую мы назвали бонапартистской? Или перед русской революцией открыты еще оба выхода?

Руководимая своим пониманием и своим анализом сил русской революции, проникнутая глубокой верой в творческие силы пролетариата, партия наша отказывается принять неизбежность и predeterminedность фашистского финала революции, как бы грозны ни были все усиливающиеся симптомы бонапартизации сталинского режима. Она знает, что конечный исход русской революции явится результатом той борьбы социальных и политических тенденций, которая неизбежно подготавливается всем развитием диктатуры, всеми нарастающими в ее недрах социальными противоречиями и неравенством. И вместо того, чтобы «ставить крест» на революции, она стремится по мере своих сил принять участие в этой борьбе и подготовить для нее силы и кадры.

Публикуемое в этом номере обращение Заграничной Делегации нашей партии к Съезду Советов является первым и значитель-

«Московский центр». 19 обвиняемых получили в общей сложности 137 лет тюремного заключения, в том числе Зиновьев и трое других по 10 лет. Кроме того комиссариат внутренних дел приговорил по делу Зиновьевской группы 49 человек к заключению в концентрационные лагеря на срок от 4 до 5 лет и 29 человек к принудительному поселению на срок от 2 до 5 лет. О самом процессе перед Военной Коллегией, происходившем за закрытыми дверями, были лишь чрезвычайно краткие сообщения. Кроме выдержки из обвинительного акта и приговора было опубликовано лишь показание одного единственного подсудимого (Евдокимова). Весь отчет «Рундшау» не занимает и трех страниц (стр. 171-172 и 236).

4. 19-24 августа 1936 г. состоялся второй *) процесс Зиновьева и Каменева. На нем фигурировало 16 обвиняемых, которые были все приговорены к смертной казни и расстреляны.

Как видим, по официальным отчетам большевист-

*) Между этими двумя процессами состоялся третий против Зиновьева и Каменева, который до сих пор держался в тайне и о котором имелись лишь частные сообщения. С. Шварц, с чрезвычайной обстоятельностью изучивший все материалы Московского процесса и его подготовки, нашел в отчете об августовском Московском процессе этого года указания на этот тайный процесс. Так, факт этого процесса подтверждается словами Каменева, что он «сейчас стоит третий раз перед пролетарским судом по обвинению в террористических намерениях, замыслах и действиях». Но кроме того и в приговоре при перечислении прежней судимости говорится, что Каменев был «вторично осужден 27 июля 1935 г. по ст. 17—58—8 УК РСФСР к тюремному заключению на 10 лет». По частным сведениям на этом суде было 38 обвиняемых, из которых двое были по приговору расстреляны.

ской печати, со времени убийства Кирова приведено в исполнение 94 смертных приговора. Но не подлежит сомнению, что еще значительно выше число вне-судебных казней.

1 декабря 1934 г., в день убийства Кирова, ЦИК СССР ввел в действие декрет, в котором содержатся следующие ужасные потановления:

Апелляция на приговоры и прошения о помиловании не допускаются. Смертные приговоры приводятся в исполнение немедленно по вынесении.

Мы тогда-же, в цитированной выше статье протестовали и будем всегда протестовать против акта варварства, заключающегося в том, что «в Советском Союзе простым росчерком пера уничтожаются последние остатки и того крохотного кусочка правовых гарантий, который заключается в промежутке между вынесением и исполнением смертного приговора, оставляющем хотя бы время для раздумья». Но сознаемся: мы не допускали возможности, что постановления, вынесенные в момент паники после убийства Кирова, будут иметь силу и выполняться с буквальной точностью спустя целых полтора года.

Тогда, 5 декабря 1934 г., было расстреляно на основании «приговора» Верховного суда «66 белогвардейцев». Единственно конкретное, что мир узнал об их преступлении, заключалось в том, что «большинство обвиняемых проникло на советскую территорию через Польшу, Латвию и Финляндию». Расстрел был первым применением вынесенного за пять дней до того постановления о немедленном приведении смертных приговоров в исполнение. Действительный смысл происшедшего ста-

ным шагом на этом пути активного вмешательства в разгорающиеся в России решающие бои.

Многочисленные признаки говорят за то, что события приближаются, что революция вступает в окончательную фазу. Толкаемая логикой развития и давлением международной обстановки, вынужденная угрозой войны и потребностями гигантски - разросшейся экономики перестроить и усовершенствовать свой аппарат управления, сталинская диктатура совершила «исторический поворот» к демократии: она официально и формально стала на почву принципов демократии, она официально признала — в интересах революции! — необходимость свободной самодеятельности народных масс; она официально провозгласила истину, что без свободы не может быть социализма. И она «от слов перешла к делу». Она издала проект новой, «демократической» конституции, долженствующей перестроить советскую Россию на началах, соответствующих этим новым демократическим принципам.

Никто острее и беспощаднее нас не вскрыл внутренней противоречивости и нечестности этого проекта, который за демократическим фасадом и демократической фразеологией пытается сохранить в неприкосновенности террористическую диктатуру компартии и самовластие Сталина. Никто страстнее нас не бичевал той отвратительной судороги террора, которая, уже после поворота к демократии и в разительном противоречии к нему, снова пронеслась над сталинской Россией. И тем не менее вещи имеют свою логику, часто независимую даже от воли их творцов. Те же очень реальные и настоятельные причины, которые заставили Сталина — пусть лицемерно и с задними мыслями! — приступить к демократии и прибегнуть к всеобщему, тайному избирательному праву, заставят его пойти по этому пути и дальше.

На Съезде Советов 29-го ноября проект конституции

превратится в закон, на основании которого в стране должны будут в тысячах деревень и городов пройти десятки различных избирательных кампаний.

Если правительство, заинтересованное в обновлении и улучшении аппарата управления, хоть сколько-нибудь добросовестно будет применять конституцию и хоть в минимальной степени обеспечит свободу и тайну голосования, то осуществление новой системы выборов создаст десятки тысяч опорных пунктов для приложения той массовой самодеятельности, которой население до того не в состоянии было проявлять. И сколько бы власти ни старались вырвать «политическое жало» у этих избирательных кампаний, сколько бы они ни старались превратить их в простую техническую, чисто «деловую» операцию, в борьбу личных кандидатур, они никогда не смогут воспрепятствовать тому, чтобы на почве этой «технической операции» сводились политические счеты, чтобы в них проявилась и материализовалась политическая и оппозиционная энергия и активность тех или иных групп трудящихся. Внутренние противоречия большевистского режима, талящиеся в недрах его социальные антагонизмы, «загнанные внутрь затрещины» по бессмертному выражению Герцена, неизбежно найдут свое выражение и проявление при каждой попытке осуществления хотя бы малой доли обещанных в конституции свобод.

Если же правительство, в разрез со своими формальными и торжественными обещаниями, попытается мерами насилия и устрашения, инсценировкой новых «процессов» и массовых казней превратить и все возвещенные свободы, и самые выборы в чистую фикцию, то это должно будет разоблачить перед самыми широкими массами народа истинную «сущность» сталинской конституции, раскрыть им глаза на их политическое бесправие и вызвать в них соответствующую психологическую реакцию.

В том или ином случае принятие новой конститу-

ции не изменит ясности, если бросить взгляд на появившееся в «Правде» от 4 декабря официальное сообщение, в первой части которого говорится о смещении и предании суду членов Народного Комиссариата Внутренних Дел Ленинградской области, а во второй перечисляются имена 71 «белогвардейца», преданных 2 декабря для скорострельной расправы Верховному Суду СССР. То была террористическая мера, вызванная обнаружившейся в убийстве Кирова несостоятельностью полиции.

Содеянное тогда происходило под знаком паники. Но теперь, полтора года спустя, снова расстреливают 16 человек, не давая возможности пересмотреть процесс во второй инстанции, и снова смертный приговор приводится в исполнение в ту же ночь.

В своей телеграмме советскому правительству от 21 августа мы требовали, чтобы «обвиняемые ни в коем случае не были лишены права апелляции». Проверка во второй инстанции является одной из элементарных предпосылок правовых гарантий и поистине не нуждается в дальнейшем обосновании. Но за требование юридических гарантий в Московском процессе «Правда» обозвала Де-Брукэра, Ситрина, Схевенельса и меморандум «четверкой презренных адвокатов троцкистских убийц» и упрекает нас в том, что мы «выступили с попыткой опорочить советский суд, ограничить его права, изменить судебную процедуру, смягчить советские законы в пользу террористов» («Правда», 31 августа).

Да, мы сознаемся, что всегда будем всеми силами добиваться «изменения» этой «судебной процедуры», которая исключает проверку вынесенных приговоров вто-

рою инстанцией *) и приводит в исполнение смертные приговоры без всякого промедления.

**

16 подсудимых «сознались», — но главный обвиняемый, вдохновитель всех заговоров, Л. Троцкий не сознался; наоборот, он самым резким образом отрицает наличие хоть доли правды в обвинениях, выдвинутых против него «сознавшимися» обвиняемыми **). В приговоре-же суда, после постановления о расстреле 16-ти говорится:

«Находящиеся в настоящее время за границей Троцкий Лев Давыдович и его сын Седов Лев Львович, изобличенные показаниями подсудимых Смирнова И. Н., Гольцмана Э. С., Дрейцера, В. Ольберга, Фрица Давида (Круглянского И. И.) и Бермана-Юрина и материалами настоящего дела в непосредственной подготовке и личном руководстве

*) Даже в этом вопросе Притт решает выступить в роли защитника политической юстиции Советского Союза (брошюра «Суд над Зиновьевым», стр. 34-35). Он не стесняется заявить, что отсутствие права апелляции компенсируется для обвиняемых огромным преимуществом. А именно: они имеют счастье предстать сразу перед самой высшей инстанцией, более же высокой, чем самая высшая, логически быть не может. Поэтому не может быть и права апелляции! А надо знать, что эта наивысшая инстанция, которую Притт — без иронии — называет «судом, наиболее квалифицированным» для такого рода дел, состоит равным счетом из — трех военных судей! Дискутировать о подобном «аргументе» мы будем лишь тогда, когда Притт предложит ввести это преимущество одной инстанции и в Англии для обвиняемых по преступлениям, влекущим за собою смертную казнь.

**) В № 52/53 «Бюллетеня Оппозиции» (октябрь 1936) заграничные троцкисты опубликовали обширное (52 страницы) и чрезвычайно документированное изложение фактической стороны процесса. Статья наша была уже закончена до получения «Бюллетеня».

ции и разгорающаяся вокруг нее с неизбежностью естественного процесса борьба создадут усиление политической активности, вызовут, после годов пассивности и апатии, полосу общественного оживления.

В этом процессе общественной борьбы, используя, в ходе обострения внутренних противоречий режима, все легальные щели, все больше будет формироваться политическая мысль, все определеннее будут складываться настроения, оппозиционные режиму террора, критические по отношению к сталинской диктатуре. Не только в массах рабочего населения, на которое эта диктатура сваливает все тяготы и жертвы строительства, держа его на положении полуголодной, подневольной и бесправной «рабсилы», но даже в среде более привилегированных слоев, среди некоррумпированных еще диктатурой квалифицированных рабочих, среди более чуткой и ищущей молодежи, даже той, которая сегодня еще «боготворит» Сталина, найдутся, не могут не найтись элементы оппозиции и протеста против личной диктатуры, против извращения социализма, против подавления всех свобод, против растущего неравенства, против все множущихся симптомов бонапартистской гангрены, раз'едающей советский режим.

Помочь просыпающимся от политического анабиоза рабочим осознать стоящие перед ними задачи, ускорить процесс их политического и классового оформления на почве новых возможностей, создаваемых конституцией, — вот в данный политический момент основная задача нашей партии, всех ее элементов в России. Обращение к Съезду Советов — это первый шаг к мобилизации всех партийных сил, к их собиранию и концентрированию на указанной очередной задаче.

Наша партия обращается не только к тем тысячам тщательно «просеянных» делегатов, которые образуют самый Съезд, но, через их головы, ко всем тру-

дящимся и рабочим Советского Союза. В спокойных, тщательно взвешенных выражениях, в спокойном, рассчитанном не на оскорбление, а на убеждение, тоне, наше обращение ставит перед советскими или даже коммунистически настроенными читателями все основные проблемы русской революции. Оно вскрывает перед ними основное противоречие большевистской диктатуры. Оно является обвинительным актом против сталинизма, с исчерпывающей полнотой показывая читателям, к какой пропасти влечет русскую революцию сталинский режим террора, несвободы, личного самовластия всемогущего диктатора; оно доказывает невозможность методами сталинизма осуществить тот идеал социализма, который дорог и им и нам, и со всей доступной убедительностью объясняет поколению, выросшему и воспитанному на диктатуре, почему выход из тупика большевистской революции лежит только на пути последовательной демократизации режима; почему в раскрепощении организаций трудящихся, в свободном самоопределении и свободной самодеятельности масс лежит ключ к этой демократизации; и почему сохранение всех завоеваний революции, дальнейшее продвижение к социализму в России и во всем мире возможно лишь на путях пролетарского единства, а следовательно, демократического социализма.

Документ этот, которому и характер адресата и усиления всех наших сторонников в России придадут — мы хотим надеяться — нужный резонанс, обращен ко всем, кому дороги идеалы и цели пролетарского социализма. Он обращается и к социалистам, и ко всем, даже коммунистически настроенным рабочим и крестьянам, искренно бьющимся над сложными проблемами русского и мирового социализма. Он не зовет их назавтра, он указывает им единственно-возможный путь впереди.

организацией в СССР террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского государства, в случае их обнаружения на территории Союза ССР подлежат немедленному аресту и преданию суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР.»

Достоинство имеющих против Троцкого «доказательств» можно оценить по сознанию Гольдмана, привезшего будто бы устное поручение Троцкого, и по тому, что в качестве важнейшего документа обвинительный акт публикует «дословно» якобы написанное лично Троцким письмо, ставшее суду известным из показания обвиняемого Дрейцера, который оказался в состоянии цитировать дословно письмо, сожженное за два года перед тем (что письмо не было сожжено, потому что оно вообще никогда не существовало, — это уже, при столь феноменальных способностях обвиняемого Дрейцера, роли не играет).

После всего, ставшего известным о заведомо лживых показаниях обвиняемых, никто не поверит всем этим, почерпнутым из «сознаний подсудимых», «доказательствам» против Троцкого.

Но один раз Троцкий писал об индивидуальном терроре в Советском Союзе в весьма характерной статье, которая может действительно служить документальным доказательством, но которая на процессе не упоминалась ни словом, потому что она высказывается против индивидуального террора в Советском Союзе!

Москве эта статья Троцкого была очень хорошо известна, и самый яркий свет на методы ведения этого процесса бросает как раз та роль, какую эта статья сыграла в подготовке включения Троцкого в «амальгаму» обвинения.

О терроре Троцкий высказался в чрезвычайно длин-

ной статье «Новая конституция СССР», помеченной 16 апреля 1936 г. и появившейся тогда же в троцкистских органах на русском («Б. О.», № 50), французском, немецком и английском языках. Полемизируя с мыслями, высказанными Молотовым в беседе с главным редактором парижского «Тан», Троцкий писал:

«На заре советской власти террористические акты устраивались эсэрами или белыми в атмосфере еще незаконченной гражданской войны. Когда бывшие господствующие классы утратили надежды, исчез и терроризм. Кулацкий террор, отголоски которого наблюдаются и сейчас, имел всегда локальный характер и дополнял партизанскую войну против советского режима. Не об этом у Молотова речь. Новый террор не опирается ни на старые господствующие классы, ни на кулака. Террористы последних лет рекрутируются исключительно из среды советской молодежи, из рядов комсомола и партии. Совершенно бессильный разрешить те задачи, которые он себе ставит, индивидуальный террор имеет, однако, важнейшее симптоматическое значение, характеризующее остроту противоречия между бюрократией и широкими массами народа, в особенности молодого поколения. Терроризм есть трагическое дополнение бонапартизма.»

Статья заканчивается так:

«Бонапартизм пугается молодежи, — надо объединить ее под знаменем Маркса и Ленина. От авантюры индивидуального террора, метода отчаявшихся, надо выводить авангард молодого поколения на широкую дорогу мировой революции. Надо воспитывать новые большевистские кадры, которые придут на смену загнивающему бюрократическому режиму.»

Какой-же вывод делают коммунистические обработчики общественного мнения из этих высказываний, заключительную часть которых они, осторожности ради, вообще не приводят? Слушайте и изумляйтесь!

«Каждый добросовестный человек, читающий эту статью, вынужден будет признать, что Троцкий подстрекает к индивидуальному террору.»

к пролетарскому единству, к действительному социализму, и в этом смысле является базой для соглашения всех трудящихся. Он вооружает их аргументами и доводами против того искажения социализма и революции, каким является сталинская персональная диктатура, давно подменившая собою и диктатуру пролетариата, и даже диктатуру компартии, — и в этом смысле является знаменем борьбы против бонапартизма и фашизма.

Но он в то же время является для всех социалистов России, для всех тех, кто через все бури и невзгоды, через все преследования и муки пронес в своей душе знамя РСДРП, сигналом к новой, неустанной, героической борьбе. Помочь объединению всех разрозненных ручейков пролетарского протеста в мощ-

ное общественное движение под двуединым знаменем демократии и социализма, содействовать оформлению критической мысли, еще столь беспомощной в своем зарождении, еще не осознающей своего собственного значения и своих задач, в ясную, отчетливую социально-политическую программу, орудием осуществления которой должна стать новая конституция, — вот поистине историческая задача, встающая сейчас перед всеми социалистами России.

Наше обращение должно дать первый толчок к выполнению этой исторической миссии, вне которой нет спасения ни для партии, ни для революции. Наш голос должен быть услышан в стране, наш призыв должен претвориться в действие, если русской революции суждено жить и победить.

Кризис международной политики

Два события международного порядка стоят сейчас в центре всеобщего внимания: выступление советского представителя по испанскому вопросу в лондонском комитете «не-вмешательства» и речь бельгийского короля. И оба эти события свидетельствуют о каком-то назревавшем переломе в международных отношениях и международных группировках.

До войны Бельгия пользовалась «нейтралитетом», гарантированным всеми державами. В первый же день войны Германия разорвала «клочок бумаги», на котором была написана эта гарантия и под которым стояла и ее подпись. Нейтралитет, казалось, канул в вечность: после войны Бельгия возлагала все свои надежды уже не на изоляцию «нейтралитета», оказавшегося столь зыбким, а, наоборот, на самое активное участие в политике коллективной безопасности,

опорой которой должна была стать Лига Наций. И в рамках этой политики она осталась деятельным членом «Антанты», той коалиции европейских держав (Англия, Франция), которая сложилась в ходе войны и на ряд лет пережила, если не формально, то фактически, ее окончание.

Сенсационность речи бельгийского короля заключается в том, что он с необычно определенностью и резкостью провозгласил возвращение Бельгии к политике как будто окончательно похороненного до-военного нейтралитета. Конечно, слово «нейтралитет» не было и, быть может, не будет произнесено. И, разумеется, в ходе дипломатических переговоров удастся найти спасительную «формулу» (как в свое время удалось найти ее для нейтральной Швейцарии), которая позволит Бельгии совместить свою новую политическую

Так буквально сказано в статье коммунистического «Рундшау» (немецкое издание, 23 июля 1936 г.), которая тогда — это было за три недели до Московского процесса — не обратила на себя внимания. Но в связи с подготовкой процесса статья эта, озаглавленная «Друзья предателя Троцкого», приобретает своеобразный интерес: она дает как бы выполненную впоследствии программу. Статья подписана П. Ланг, — имя или псевдоним, сколько помнится, ранее никогда нам не встречавшиеся; но за этою подписью велась во время процесса самая гнусная часть клеветнической кампании, особенно против Рабочего Социалистического Интернационала. Самое интересное в этой статье — дата ее появления: как видно из обвинительного акта, как раз в это время начались энергичные усилия для получения от обвиняемых «признаний» в подстрекательстве Троцкого к террору.

Мы с полной определенностью отгораживаемся от ошибочных мнений троцкистской секты насчет мировой революции и не берем на себя ни малейшей ответственности за совершенно ошибочную политику троцкистов, но мы считаем своим долгом констатировать, что вовлечение Троцкого в судебную «амальгаму» принадлежит к числу самых легкомысленных и смехотворных актов, когда-либо наблюдавшихся в преступных колдовских процессах. Практическая цель этого акта является позорнейшей страницей всего дела. Она заключается в попытке лишить Троцкого права убежища в Норвегии и инсценировать такую травлю против него, чтобы нигде на земном шаре не оставить для него возможности существования.

На основании «данных» процесса, якобы «установивших», что

«проживающий в Норвегии Л. Троцкий является организатором и руководителем террористических действий, имеющих целью убийство членов советского правительства и вождей советского народа»,

советское правительство обратилось 28 августа к норвежскому с бесстыдной нотой, заканчивающейся так:

«Советское правительство рассчитывает, что норвежское правительство не преминет принять соответствующие меры для лишения Троцкого дальнейшего права убежища на норвежской территории».

Советское правительство открыто требует отмены права убежища для политического беженца, а косвенно требует еще больше — выдачи Троцкого советскому правительству, ссылаясь на переговоры (незаконченные!), которые велись в Женеве и согласно которым «констатирована обязанность членов Лиги помогать друг другу в борьбе с терроризмом».

Мы ведем борьбу за правовые гарантии в политических процессах, за освобождение заключенных в фашистских странах, против варварства Гестапо, против смертной казни, за право убежища в демократических странах. И в каждой из этих сфер борьбы Сталин нападает на нас с тылу; в каждой он дает реакции отличное оружие: нашим требованиям фашизм всегда имеет возможность противопоставить ссылку на то, что делается в Советском Союзе. Поэтому наша борьба за политических заключенных в фашистских странах возможна лишь постольку, поскольку мы со всею откровенностью и резкостью боремся против всяких правонарушений и в Советском Союзе. Эта печальная необходимость и создает затруднения для сотрудниче-

ориентацию с пребыванием в Лиге Наций, возлагающим, как известно, на членов этого учреждения несомнимое с «нейтралитетом» обязательство оказывать всяческую, в том числе, при надобности, и военную, помощь всякой жертве «агрессии». Но, каковы бы ни были слова и формулы, на деле возвращение Бельгии к политике нейтралитета остается фактом: в своей речи король нарочито повторил и подчеркнул слова министра иностранных дел Спаака (слова, встретившие в свое время решительное осуждение со стороны Бельгийской Рабочей Партии, членом которой Спаак состоит), что отныне Бельгия будет вести политику «исключительно и целиком бельгийскую». Это значит, что отныне она снимает с себя обязательство спешить на помощь всякой жертве нападения. Свои военные силы она сохраняет и даже значительно умножает лишь на тот случай, если жертвой нападения окажется она сама. И если бы, например, для своего нападения на Францию Германия избрала другие «ворота», чем те бельгийские, которыми она воспользовалась в 1914 году, то Бельгия сохраняет за собою право не только не придти на помощь обороняющейся Франции, не только отказать ей и ее возможным союзникам (Англия!) в праве пользоваться бельгийскими аэродромами, но и расположить свои войска на бельгийско-французской границе так, чтобы помешать Франции превратить Бельгию в плацдарм против германской атаки.

Таков не поддающийся перетолкованию смысл речи бельгийского короля, и вряд ли надо еще доказывать, каким ударом является новая ориентация бельгийской политики для всей опирающейся на Лигу Наций системы коллективной безопасности и взаимопомощи и каким подарком для военных предприятий Гитлера не только на востоке, но и на западе.

Мир для себя и только для себя и ради такого мира усиленное вооружение — вот

лозунг новой бельгийской политики. Незачем говорить, на какой иллюзии построена эта эгоцентрическая «политика мира» и в какой степени она, наоборот, ускоряет и делает почти неизбежной войну, в которой не один бельгийский нейтралитет взлетит на воздух, но, весьма вероятно, и нейтралитет всех других стран, в первую очередь — Голландии и Швейцарии, которым удалось остаться в стороне от бои 1914-1918 гг. Более того. Сама эта новая ориентация свидетельствует об утрате веры в возможность предотвратить войну, об отказе бороться за ее предотвращение. Перед лицом неотвратимо надвигающейся войны — спасайся, кто может! Вот о чем кричит эта ориентация!

Нет сомнения, и король в своей речи говорил об этом, что внутреннее положение Бельгии сыграло немалую роль в повороте ее внешней политики. Крайнее обострение социальных антагонизмов, столь характерное для нашей эпохи упадочного капитализма, и в Бельгии нашло свое выражение в быстром нарастании фашистских настроений и фашистского движения («рексисты»). Естественное тяготение фашизма любой страны к такому центру мирового фашизма, каким является сейчас Гитлеровская Германия, особенно заметное в национально-родственной Германии фламандской части Бельгии, еще значительно усилилось со времени прихода во Францию к власти антипода фашизма — Народного Фронта и с начала гражданской войны в Испании, которая волею судеб становится все больше настоящим плацдармом борьбы между фашизмом и социализмом. Ослабляя узы, связывающие Бельгию с Францией Народного Фронта, и протягивая руку фашистской Германии, бельгийская монархия стремится примирить с собою своих собственных, отечественных фашистов.

Но, каковы бы ни были внутренне-политические мотивы новой ориентации, самый факт, что бельгийским фашистам удастся воздействовать в своем духе на столь

ства с коммунистическими организациями помощи. Они не смеют и намеком протестовать против безобразий, имеющих место в Советском Союзе.

Разумеется, эти коммунистические организации помощи могли бы встать на точку зрения чистой борьбы сил: насилие против насилия, произвол против произвола. Но они этого не делают. Они апеллируют к правовому сознанию европейского общественного мнения, к чувствам гуманности цивилизованных людей. И таким-то образом «Красная Помощь» и все созданные ею учреждения превращаются в организации «двурушников», терпящие неудачу за неудачей. Этим летом факты такого двурушничества дали себя знать прямо с потрясающей силой.

21 июня 1936 г. созванная, по действительно блестящей идее коммунистов, в Париже «Конференция о праве убежища» («Рундшау», № 29, стр. 1176) принимает тщательно разработанный устав о политических беженцах, в котором имеются следующие 2 параграфа:

«Ст. 4. — Политическим беженцам не может быть отказано в праве на переход границы; они не могут быть высланы из страны, в которой ищут убежища.

Ст. 5. — Если власти страны, в которой политический беженец проживал, требуют его выдачи, то, как бы ни формулировалось и ни обосновывалось требование выдачи, она может иметь место лишь в том случае, если в судебном порядке неопровержимо установлено, что требование о выдаче не обусловлено политической деятельностью беженца и связанными с этой деятельностью обстоятельствами».

Два месяца спустя после формулирования Парижской конференцией этих требований, 28 августа, Сталин наносит праву убежища сокрушительный удар, требуя от норвежского правительства отмены права убежища для Троцкого!

5 июля 1936 г. в Брюсселе заседала созванная по инициативе коммунистов «европейская конференция об амнистии для анти-фашистских заключенных в Германии», принявшая, как сообщает «Рундшау» (№ 31, стр. 1243) «единогласно манифест о полной амнистии для политических заключенных в Третьем Рейхе и постановившая выработать юридическую петицию для обоснования этого требования». Шесть недель спустя, 24 августа, в Москве еще раз применяется возвешенный советским правительством принцип: «апелляция на приговоры и прошения о помиловании не допускаются!»

Конференция об амнистии имела перед собою хорошо документированные записки о безобразиях Гестапо, но Московский процесс ставит перед совестью всех сторонников права вопрос: «а ГПУ?»

Коммунисты тысячу раз правы, делая все, чтобы спасти политических заключенных от палача, но их кампании приобретают, к сожалению, прямо таки смехотворный вид, когда они должны одновременно молчать о московских расстрелах, а то и приветствовать их.

У коммунистических организаций помощи имеются хорошие идеи, много организационной ловкости и богатые денежные средства. Единственное, чего им не достаёт, это — единства моральной основы. Но эта основа нужна более, чем что-либо другое, для успеха борьбы против позора фашистского варварства. Так из потребностей борьбы против фашизма возникает все тот же вопрос, который навязывается с любой точки зрения: почему московское правительство не может отказаться от «процессов ведьм»? Почему оно не может ввести в действие те формы политического судопроизводства, ка-

значительные массы, действительно и искренне жаждущие мира и только мира, имеет корни в слагающихся внешне-политических условиях — в глубоком разочаровании и масс, и мелких государств вообще в способности Лиги Наций обеспечить мир и охранить их от нападения любого сильного «агрессора»; в нарастающем сомнении в том, что за громкими словами «коллективная безопасность», «взаимопомощь» и т. п. скрывается что-либо, кроме безволия, бессилия и — непрерывного отступления перед наступающим и наглюющим фашизмом, в зависимости от своекорыстных расчетов «великих» держав или, точнее, их господствующих классов. Та позорная картина, которую систематически являла Лига Наций на протяжении всех перипетий итало-абиссинской войны, при каждом новом насильническом акте германского фашизма, в Данцигском вопросе и т. д. и которая теперь с такою трагическою ясностью встает перед взорами всех в вопросе испанском, — эта картина не прошла и не проходит бесследно. И бельгийский инцидент является лишь одним из симптомов глубочайшего кризиса всей политики «коллективной безопасности» — в том виде, в каком эта политика велась и до сих пор ведется и в каком она — это с каждым днем становится все очевиднее — не только не способна обеспечить мир, но, наоборот, подготавливает войну в условиях, наиболее благоприятных для воинствующего фашизма, разлагая блок его противников и обеспечивая безнаказанность всем его преступлениям.

И таким же, но еще более знаменательным и, быть может, чреватым непосредственными опасностями, симптомом глубочайшего кризиса всей международной политики является выступление Советского правительства по испанскому вопросу с требованием, чтобы «невмешательство» в испанскую гражданскую войну действительно и немедленно и полностью проводилось полностью, и с заявлением, что, в случае невыполнения это-

го требования и продолжающихся поставок оружия мятежникам со стороны германского, итальянского и португальского фашизма, оно вернет и себе свободу действий, т. е. откажется от участия в превращающемся в фикцию соглашении о «невмешательстве».

**

Эта позиция советского правительства представляет собою, как мы уже имели случай указать, резкий поворот в его политике по отношению к Испании. Но мы не будем останавливаться сейчас на выяснении причин такого поворота. Можно, конечно, пожалеть, что все те аргументы, которые теперь в таком изобилии приводит советская пресса в защиту права республиканского правительства Испании на получение оружия и, наоборот, в доказательство недопустимости снабжения оружием мятежников, — можно пожалеть, что все эти аргументы не были выдвинуты советским правительством еще в ходе переговоров о «невмешательстве», когда они могли укрепить позицию тех элементов французского Народного Фронта, которые боролись против «нейтралитета» по отношению к испанским событиям; когда сам Советский Союз не был бы изолирован; когда его односторонний акт не мог бы быть истолкован ни как нападение с тылу на французское правительство Народного Фронта, ни как желание «сорвать» Локарнскую конференцию (на деле срываемую позицией Германии, Италии, а ныне и Бельгии, и двусмысленностью политики консервативного правительства Англии), ни тем паче как стремление развязать «превентивную» войну и отвлечь силы и внимание Гитлера с востока на запад; когда, словом, все враги демократии, социализма и Советского Союза и друзья фашизма были бы лишены возможности использовать загадочные и внезапные повороты советской внешней политики для отвлечения внимания от существа испанской проблемы и от действительных винов-

ких мы неустанно требуем от фашистских правительств?

**

Все, что я излагал до сих пор, мог бы точно так же написать любой другой социалист, и я думаю, что с сказанным согласится всякий добросовестный человек, имеющий возможность свободно высказывать свои убеждения. Но в выводах я вынужден говорить от своего личного имени, потому что мое отношение к проблемам, поставленным Московским процессом, не так просто, как у тех, кто «принципиально» отвергает индивидуальный террор.

Два десятилетия тому назад, в своей защитительной речи перед исключительным судом, я сказал, что самая «возможность процессов, подобных сегодняшнему, оправдывает любой акт насилия против властителей Австрии. Процесс этот сам по себе, как и вообще процессы такого рода, является для меня моральным оправданием. И я хотел бы подчеркнуть, что именно состояние юстиции в Австрии угнетало меня наиболее болезненно с начала войны и непрерывно вызывало во мне чувство оскорбленной чести, заставляло стыдиться бы австрийцем».

Этих немногих слов достаточно, чтобы понять, почему та борьба против унижения правовых гарантий, которую я вел неустанно против абсолютизма Габсбургов, возлагает на меня естественную обязанность протестовать со всей энергией против судебных ужасов в стране, претендующей на почетное имя «социалистической». Ибо правовые гарантии для меня такой-же необходимый признак социалистического строя, как гарантия материального существования.

В своей речи перед исключительным судом я ясно

подчеркнул связанные с индивидуальным террором опасности для рабочего движения, но, в противовес абсолютному отвержению такого террора, я всегда держался того взгляда, что вопросы индивидуального террора должны оцениваться под двояким углом зрения: соответствуют ли они «естественному правосознанию народа» и являются ли они в данных условиях «целесообразными» в интересах освободительной борьбы пролетариата?

Я сказал тогда, что «самая возможность» таких процессов, т. е. процессов без правовых гарантий, «оправдывает любой акт насилия против властителей». Я и сейчас держусь того-же мнения. Но, как ни понятно мне, что всякий, в ком не притупилась способность реагировать на произвол, должен испытывать глубочайшее возмущение перед лицом судебных убийств в Советском Союзе, я считаю нужным с такою-же ясностью сказать, что не считаю индивидуальный террор в Советском Союзе целесообразным средством. И притом по основаниям гораздо более общего характера.

По моему личному убеждению, индивидуальный террор является одним — хотя и то лишь в исключительных случаях целесообразным — из вспомогательных средств в революционной борьбе. Но я со всею решительностью отвергаю революционную борьбу против советского режима во всех ее формах — не только индивидуальных, но и массовых. Четыре года тому назад, когда хозяйственные перспективы Сталинского эксперимента были еще гораздо более неблагоприятны, я настаивал на том, что российская социал-демократия

ников военной опасности криками о «воинствующем большевизме».

Но сделанного уже не воротишь, и говорить теперь о том, что «могло бы быть», бесполезно. Если же взять самый акт, совершенный ныне советским правительством, то надо констатировать, что он вызвал и вызывает величайшее сочувствие самых широких пролетарских масс всех стран, более того — сочувствие всех сторонников демократии и мира. Наиболее ярким свидетельством тому является позиция Английской Рабочей Партии, которая еще на недавней совместной конференции Социалистического и Профессионального Интернационалов с величайшей осторожностью относилась к требованию «пересмотра» соглашения о «невмешательстве» и которая теперь, наоборот, развивает величайшую активность в этом направлении, требует ускоренного созыва парламента для пересмотра испанской политики Великобритании и настаивает на скорейшем созыве новой конференции организованного пролетариата.

В ту минуту, когда мы пишем эти строки, мы не знаем еще, какие выводы сделает советское правительство из своих заявлений: выступит-ли оно из лондонского комитета и приступит-ли к открытому снабжению оружием республиканского правительства Испании. Но, когда фашисты всего мира уже сейчас кричат, что именно советское правительство «срывает» политику «невмешательства», что именно оно хочет испанским факелом зажечь мировой пожар, что по его вине война надвигается все ближе, то всякий, имеющий очи, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, не может не понять, что все эти крики — заведомая и нарочитая ложь; что эта ложь нужна действительным поджигателям войны, чтобы прикрыть свои собственные планы, на которые такой яркий свет бросает хотя бы «предлокарнский» сговор Муссолини и Гитлера, имеющий целью вбить клин между Францией и Англией, шантажем до-

биться от Франции разрыва договора с Советским Союзом, изолировать ее и тем самым создать все условия для победы германского и итальянского фашизмов в ими-же подготовляемой войне.

Советское выступление потому и произвело такое глубокое впечатление на всех сторонников социализма, демократии и мира, что оно прозвучало в униссон с неукротимо нарастающим у них сознанием, что политика «невмешательства» по отношению к гражданской войне в Испании уже обанкротилась. Вместо «нейтралитета» она на деле дает одностороннюю поддержку мятежных генералов. Она развязывает руки фашистам Германии, Италии, Португалии. Она не только не гарантирует мира, но превращает Испанию в очаг, из которого непременно разгорится война, и притом война, в которой германскому и итальянскому фашизму заранее уступаются самые сильные позиции. Ее пересмотр становится с каждым днем все более необходимой очевидностью.

Но, чтобы пересмотр этот служил действительно делу мира, он должен быть коллективным — коллективным для той группы держав, которая действительно хочет мира. Если изолированному выступлению советского правительства и может быть поставлено в упрек, что оно может дать германскому и итальянскому фашизму благодидный предлог для ускоренного развязывания войны, то такая опасность совершенно исчезает, если пересмотр будет коллективным. Наоборот, если что еще может спасти мир, то только такая демонстрация силы мирных держав. Только она еще может вырвать из рук фашизма меч, которым, по самой социально-политической природе своей, он не может не размахивать. Проблема мира в настоящий исторический момент есть проблема военной опасности, порождаемой фашизмом, а потому проблема борьбы

«должна взять на себя большую жертву и открыто высказаться за политику толерирования большевистского господства. Ибо решающим мотивом для всякой политики толерирования является уверенность, что на смену может придти лишь нечто худшее; и для Советской России это, к сожалению, верно... Поэтому сейчас политика российской социал-демократии не может ставить себе задачей борьбу против большевистской правительственной системы, как таковой; в данный период она вынуждена ставить себе гораздо более скромные цели и ограничиваться охраной жизненных интересов трудящихся в рамках существующей системы*».

Сейчас, четыре года спустя, когда Сталинский эксперимент в значительной степени удался (хотя я и отнюдь не принадлежу к тем оптимистическим энтузиастам, которые заявляют, что все экономические опасности уже преодолены, и вижу, наряду с блестящими экономическими достижениями, тени экономической несправедливости и трудности), — мне кажется тем необходимым, чтобы российская социалдемократия не сходила с того пути, по которому она до сих пор последовательно шла, и не давала отклонить себя с него, как бы чудовищна ни была провокация Сталинского произвола.

Мы хотим всеми силами помогать защите Советского Союза от внешних и внутренних врагов, как страны, которая в значительной степени уничтожила капитализм, рабочие и крестьяне которой развернули грандиозное строительство. Но по отношению к тому, что в Советском Союзе плохо, мы никогда не возьмем на себя роль покорно-молчащих псов, а тем паче — роль

лживых панегиристов. Этим мы и отличаемся от ма-рионеток коммунистических партий.

Мы боремся против всякого насильственного вмешательства в ход развития Советского Союза, но мы не можем отказаться от права критики, которая не вредна, а прямо-таки необходима в интересах мирного, эволюционного развития Советского Союза к восстановлению свободы для народа.

Я отнюдь не думаю оспаривать, что в эпоху, когда Гитлер и Муссолини, Пилсудский и Дольфус, мелкие деспоты Прибалтики и Балкан, уничтожили правовой уклад в значительной части Европы и встали на почву насилия, — рабочий класс вынужден вести борьбу против фашистских узурпаторов и реакционных палочников гибнущего капитализма на почве, на которую они сами стали — на почве насилия. Мы знаем и признаем историческую роль диктатур в великие переворотные периоды истории. Диктатура ужасна и страшна, когда выступает под знаменем насильнического и кровавого террора, но и террор может быть добросовестным. Серьезной опасностью становится диктатура, когда она берет себе за образец капризы садистских деспотов, преисполненных презрения к бережению человека и без жалости и без раздумья рубящих ценные головы. Но она становится презренной, когда опускается до «двурушнического» террора. И мы спрашиваем Димитрова: неужели-же самая жалкая форма террора, террор, прикрывающийся правосудием, является необходимой предпосылкой социалистического строительства? Разве диктатура при Ленине и даже все первое десятилетие после октябрьской революции не обходилась без позора таких «процессов ведьм», без инкви-

* Фридрих Адлер, «Сталинский эксперимент и социализм» (по немецки), Вена 1932 (также в «Кампф» за январь 1932 года).

с фашизмом, а не компромиссов с ним. Попытка обойти эту проблему и сделала иллюзорной всю «политику мира» за последние годы. Она обессилила, обезволила и обескровила и Лигу Наций, и систему «коллективной безопасности» и «взаимопомощи». Она вывела тот общий кризис международной политики, частными проявлениями которого являются и кризис бельгийской международно-политической ориентации, и кризис политики «невмешательства» в испанские дела.

Но обо всем этом мы уже достаточно подробно говорили в предыдущем номере нашего журнала. Здесь скажем лишь одно: попытка обойти проблему борьбы с фашизмом, как подлинную и единственную проблему мира, — конечно, не случайность. Она коренится в социальных интересах тех господствующих классов, которые до сих пор являются вершителями внешней политики и которые пользуются отвращением народных масс к войне, чтобы призраком мира заманивать их на пути, ведущие на самом деле к войне, но подготовляющие в этой войне победу фашизма.

Невозможно поэтому ждать инициативы пересмотра — всей ли международной политики вообще, или испанской политики в частности от тех правительств, которые, как консервативное правительство Англии, находятся всецело на службе господствующих классов: только сильнейшее давление рабочих масс (какое и организуют сейчас наши английские товарищи) может вынудить такие правительства хотя бы ослабить свое сопротивление «пересмотру».

Но весь международный рабочий мир вздохнул бы облегченно, если бы инициативу пересмотра взяло на себя французское правительство Народного Фронта, воплощающее волю всего пролетарского и не-пролетарского трудящегося народа к эмансипации политики от командования крупного капитала. Эта эмансипация стала в значительной мере фактом в области внут-

риционных судов с вымученными лживыми признаниями?

Католическая церковь стыдится ныне тех колдовских и еретических процессов, которые она с величайшим самодовольством инсценировала три столетия тому назад. Она старается вытравить всякое воспоминание о них. Скоро ли наступит момент, когда и в Советском Союзе начнут стыдиться «процессов ведьм»?

Противникам единства действий в международном масштабе Московский процесс дал в руки сильнейший аргумент. Тенденция к единству нанесен им тяжелый удар. Опубликовав конституционные проекты, Советский Союз сделал, казалось, большой шаг вперед в смысле создания условий для обще-пролетарского соглашения; инсценировкой Московского процесса он сделал два шага назад.

Но, несмотря ни на что, рабочий класс великих промышленных государств Запада должен бороться совместно с рабочим классом Советского Союза, чтобы справиться с теми великими опасностями, которые несет с собою надвигающаяся новая мировая война. В этой войне Советский Союз будет самой важной и мощной крепостью международного пролетариата. Перед угрозой этой войны пролетарии всех стран должны объединиться, все препятствия должны быть устранены, должны совместно действовать все те, кто понимает, что эта будущая война будет великой тяжбой между рабочим классом и буржуазией, все те, кто видит для себя в этой войне лишь одно место — на фронтах классовой борьбы!

Ф. Адлер.

ренной политики. Мы уверены, что наступит день, когда и во внешней политике Народный Фронт эмансипируется от традиций, в которых находят свое отражение предрассудки и интересы тех классов, с которыми он борется внутри страны. И мы надеемся, что этот день придет не слишком поздно — ни для спасения испанской демократии, ни для спасения мира.

Ф. Дан.

Привет Ф. Адлеру

21 октября исполнилось 20 лет с того дня, когда в залитой кровью Европе раздался выстрел, которым нынешний секретарь Рабочего Социалистического Интернационала, Фридрих Адлер, сразил на смерть главу австрийского правительства и австрийской реакции, Штюргка.

В статье о Московском процессе, заканчивающейся печатанием в этом номере, сам Адлер дает моральное обоснование своему акту. Но для всего рабочего и социалистического мира этот акт имел громадное политическое значение. В атмосфере, насыщенной кровавыми испарениями и дымом пожарами, посреди неслыханных опустошений, не только материальных, но, быть может, еще больше культурных и моральных, над развалинами рухнувшего под ударами войны Рабочего Интернационала венский выстрел прогремел, как призывный набат, зовущий пролетариев всех стран к восстанию против войны, к возрождению разрушенной ее мечем национальной и интернациональной классовой спаянности, к освобождению поработанного человеческого духа от оков, наложенных на него фурией военного национализма и шовинизма.

Теперь, 20 лет спустя после этого памятного дня, мир снова обят предвоенной тревогой, и снова ядовитые газы национализма и шовинизма отравляют воздух. Но теперь зачинателям войны уже трудно прикрыть свое преступление красивыми, но обманчивыми декорациями «патриотизма» и «защиты культурных ценностей». Отвратительный лик объединенного капитализма-фашизма не прикроешь никакой маской. И опыт «великой» войны и после-военных катастроф не прошел даром. Можно надеяться поэтому, что, если вновь обрушится на мир кровавый смерч войны, то не понадобятся уже такие героические акты отчаяния, как совершенный Адлером 20 лет тому назад, чтобы побудить миллионные массы трудящихся занять с самого начала войны то место — «на фронтах классовой борьбы», которое тот же Адлер указывает ему в печатаемой сегодня статье, и самую войну превратить в орудие сокрушения рождающих ее сил. И в этом будет высшая награда Адлеру за его героический подвиг, в этом — наше самое горячее пожелание ему в этот памятный день...

ЗАГРАНИЦЕЙ

ПОБЕДА НОРВЕЖСКОГО СОЦИАЛИЗМА.

И в Норвегии, подобно другим скандинавским странам, стоящая у власти Рабочая Партия одержала на выборах в стортинг (парламент) победу — не столь крупную, как в Швеции, но достаточно знаменательную: вместо 69 мандатов, которыми она располагала до сих пор, она будет иметь 71 мандат.

Из других партий увеличили число своих мандатов — консервативная: 36 вместо 30 и народно-христианская: 2 вместо 1; потеряли мандаты аграрная партия (крестьянская): 18 вместо 23 и либералы: 23 вместо 24, а также свободомыслящие, лишившиеся своего единственного мандата. Настоящий разгром потерпела основанная бывшим военным министром Квислингом фашистская партия: она рассчитывала завоевать 12 мест, а не получила ни одного. Ни одного мандата не добились и коммунисты.

Прирост мандатов Рабочей Партии отнюдь не соответствует приросту собранных ею голосов: при увеличении ее избирателей на 110.000, она получила всего два дополнительных мандата, между тем как 22.000 лишних избирателей консервативной партии принесли ей 6 новых мандатов: таковы капризы «избирательной географии».

В новом стортинге рабоче правительстве Нюгаардсволда будет располагать, при поддержке аграриев, 89 голосами против 61, т. е. большинством в 28 голосов. В результате выборов положение его значительно укрепит.

БЕЛЬГИЙСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ О МОСКОВСКОМ ПРОЦЕССЕ.

В своем заседании 14 октября Генеральный Совет Бельгийской Р. П. принял единогласно резолюцию, «энергично протестующую против имеющего место в Москве и грозящего повториться нарушения элементарных правил правосудия. Он требует для подсудимых права защищаться в условиях, принятых во всех демократических странах».

Протест этот послан советскому правительству.

ПО РОССИИ

МОСКВА. — Разрыв настроений. — Инертность масс. — Нервная тревога в верхах. — Интриги, доносы, подсиживание. — Слухи вокруг Сталина. — Борьба за возможное наследство. — Аресты и чистки. — Разгром среди ученых и писателей. — Ожидают больших перемен.

Быть может никогда еще не было такого резкого разрыва между настроениями широких масс населения и относительно узкого слоя правящих и привилегированных.

Широкие массы населения сейчас заняты главным образом своим повседневным трудом, притом в последнее время сильно интенсифицированным, и лишь очень медленно «отходят» от утомления долгих лет лишений. Сознание очень широких слоев сейчас удовлетворенно отмечает, что стало жить сытнее. Власти усиленно стараются привить формулу: «стало жить легче и веселее», население воспринимает это правдивее: стало сытнее и спокойнее. Процесс и расстрел Зиновьева, Каменева и товарищей лишь поверхностно скользнул по сознанию масс даже городских рабочих. То ли уж очень чужды были им много раз казавшиеся и растерявшие свои идеи 16 оппозиционеров, то ли притупился интерес к борьбе в среде головки ВКП и сказалась «привычка» к расстрелам.

Это очень печально, так как показывает политическую инертность, но и мои наблюдения и рассказы многих моих товарищей заставляют делать этот однообразный вывод. В массах сейчас нет понимания того, какое громадное значение в эволюции советской диктатуры могут иметь последние расстрелы.

Совсем иное настроение в правящих кругах. Уже давно не было такого напряжения и тревоги. Атмосфера, напоминающая времена, следующие за убийством Кирова, а во многом отношении и хуже. Все в тревоге. Все в неизвестности. Все сознают, что в верхах произошло что-то решающее и роковое. Но никто, вероятно кроме маленькой группы не знает, что именно произошло. Друг с другом стараются не разговаривать. На этот раз наиболее упорно молчат именно те, кто может знать действительную правду. В периферии, среди людей менее влиятельных и менее искушенных, глухо идут разные слухи. Один период наиболее упорно держался слух, что Сталин тяжело заболел и что врачи допускали, что он был отравлен. Затем стали передавать, что Сталин во время одного из припадков грудной жабы наметил своих заместителей на случай смерти: Ворошилов, Каганович и Ежов, и что он лично распорядился скомпрометировать и устранить наиболее опасных претендентов: Зиновьева, Каменева и др. Насколько все эти слухи верны неизвестно. Сейчас упорно говорят о том, что обделенные Молотов и Калинин явно считают себя обиженными и быстро идут к опале.

В самой головке идут интриги, изоцряются в доносах, стараются друг друга свалить. По мнению Сталина и Ягода оказался недостаточно бдителен, поэтому он заменен Ежовым. В часы болезни Сталин припомнил все старые уклонки и неискупленные грехи. Радек и Пятаков это лишь наиболее яркие фигуры из тех, кого сняли с постов и подвергли всем жестокостям опалы. Сейчас чистка и расправа идет повсюду. В центре и на местах, в хозяйственных и административных комиссариатах повсюду снимают людей, подвергают публичному шельмованию, а часто и арестам лишь за то, что они имели когда-то общение с ныне опальными вельможами. Самой последней нашей сенсацией является раз-

гром в Академии Наук, в Ленинградском и в ряде провинциальных университетов. Сняты с постов и арестованы, не то за «заговор», не то за оппозицию такие люди, как Членов, многолетний представитель СССР на международных конференциях и в Женеве, как Волгин, ректор университета, академик и профессор из числа самых лояльных. Были подвергнуты многочасовому допросу в ГПУ писатели: Иван Катаев, Серебрякова, Фридлянд. Последний даже арестован за то, что кого-то не во время похвалил...

Передают, что очень поколебалось положение Литвинова. Хотя он и выполнял все время прямые директивы Сталина, но Литвинова обвиняют за то, что он давал неверную оценку соотношения сил в Европе и переоценивал шансы реализации курса на Англию и Францию. По мнению влиятельных кругов эта политика потерпела полную неудачу и нужно смеяться тому, кто ответствен за эту политику. Союз оказался более изолирован, чем был 2 года назад.

Идут упорные разговоры о смещении Литвинова, о замене его менее «европеизированным дипломатом».

Большие перемены предстоят по Коминтерну. Димитрову ставится в вину чрезмерное увлечение «единым фронтом», что привело к ослаблению коммунистических партий в ряде стран. Политика «единого фронта» считается имеющей лишь местное, чисто-французское значение. Генеральное значение она не приобрела, поскольку английская рабочая партия осталась вне этого движения.

Димитров и Мануильский фактически отстранены от руководства Коминтерном, Пик и Эберлейн за строптивость, по слухам, находятся под домашним арестом. Мюнценбергу не дают разрешения на выезд из СССР. В Москве пришли к выводу, что его деятельность в Европе носит явно «делаческий» характер. Говорят о необходимости большего партийного и коминтернского контроля.

...В этой атмосфере, когда каждый боится каждого и когда все же слухи идут и множатся, трудно установить что-либо твердое и верное. Но как то ни странно, в общем от всех слухов складывается мнение, что СССР стоит накануне серьезных перемен и во внутренней и во внешней политике. Ожидают, что Сталин в ближайшие недели скажет что-то решительное. Что — не знают, кажется, даже и самые близкие ему люди. В таких условиях вступает СССР в предсезонную пору. Если рабочие массы не выйдут из состояния политической апатии, то и выборы по новой конституции мало что изменят в нашей действительности.

A.

Октябрь 1936 г.

ИЗ ПАРТИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЗАГРАНИЧНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ РСДРП.

В сентябре-октябре Совещание при ЗД РСДРП в трех заседаниях обсудило политические и тактические проблемы, встающие перед партией в связи с предстоящим введением в действие новой конституции СССР, и рассмотрело предложенный тт. Даном и Абрамовичем проект Открытого Письма ЗД РСДРП Всесоюзному Съезду Советов, открывающемуся в Москве 29 ноября.

Учитывая высказанные Совещанием мнения, ЗД РСДРП вынесла в своем заседании 8 октября следующее постановление:

1. ЗД РСДРП полагает, что основная задача партии в настоящий момент заключается во всестороннем содействии рабочим массам в их попытках использовать легальные рамки новой конституции для отстаивания своих интересов.

2. Чтобы положить начало такого рода партийной работе и стимулировать ее, ЗД РСДРП постановляет обратиться с Открытым Письмом к советскому съезду 29 ноября.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Бюллетень оппозиции, № 52/53. Октябрь 1936 г. Специальный номер о Московском процессе.

Новая Россия, № 14, 15 окт. 1936 г.

Знамя России, № 10 (86), Октябрь 1936 г.

La Révolution prolétarienne, N° 232.

Cahiers du bolchévisme, N° 16-17, 1 oct. 1936.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 12/10, 23/10.

Отослано: № 23, 24.